

Буряя Мария Анатольевна

**ПОЭТИКА «ВНУТРЕННЕГО» ЦИКЛА В ТВОРЧЕСТВЕ
О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА**

Специальность 10.01.01 — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный федеральный университет» Министерства образования и науки Российской Федерации (ФГАОУ ВПО ДВФУ МО и Н РФ)

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры истории журналистики и литературы
Института международного права и экономики
им. А. С. Грибоедова (г. Москва)
Кихней Любовь Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка и предвузовской подготовки
Российского государственного гидрометеорологического
университета (г. Санкт-Петербург)
Митрофанова Ирина Анатольевна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится 2 июля 2014 года в ... часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.14 в Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, д. 35). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.kpfu.ru>, а также на официальном сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru/>. Электронная версия текста диссертации размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.kpfu.ru>.

Автореферат разослан

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Р.Л. Зайни

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование «Поэтика “внутреннего” цикла в творчестве О. Э. Мандельштама» посвящено проблеме «внутреннего» цикла как особого поэтологического явления в лирическом творчестве О. Э. Мандельштама.

Начало XX века в русском историко-культурном развитии стало периодом, наиболее ярко обозначившим первые результаты и итоги произошедших стремительных и разнородных изменений, которые осуществились во всех сферах индивидуальной и общественной жизни. Предчувствие грядущих катастроф и осознание свершившихся перемен отразилось и на поэтическом мироощущении как наиболее чутко и живо реагирующим на актуальные процессы и явления современности. Одним из многих, предугадавших будущее развитие отечественной и мировой истории и культуры, стал О. Э. Мандельштам, чья картина мира непосредственно сформировалась под влиянием главной тенденции философского-эстетического события рубежа XIX–XX вв., которую можно определить как разрушение целостности. Последняя в восприятии творческих индивидуальностей в это время становится той субстанциональной категорией, которая обеспечивает возможность духовного движения и художественного поиска. Целостность по отношению к историко-культурному процессу в целом и эстетическому объекту в частности при этом определяется как «обобщенное обозначение комплекса различных по происхождению и разнородных представлений о системном единстве мироздания в качестве внутренне дифференцированного целого».¹

Целостности как ведущему субстанциональному свойству картины мира в художественном словесном творчестве наиболее полно и показательно соответствует явление циклизации. Будучи одним из наиболее ранних поэтологических фактов, оно неслучайно приобретает характер ведущей тенденции именно в конце XIX – первой половине XX века. Как отмечает в одной из своих статей М. Н. Дарвин, «то, что в начале XIX века, когда поэты, подобно Гейне, называли свои стихотворные объединения “циклами”, в европейской и русской поэзии было исключением, в XX веке становится правилом».²

В творческой традиции XX века явление циклизации становится одной из ведущих тенденций, призванной осуществить в художественном акте творения эстетического объекта восстановление утраченной полностью или прерванной, нарушенной гармонии. Поиск единства и субстанциональных первооснов миропорядка для Мандельштама становится способом установления «большого диалога» как с быстро и хаотически меняющейся современностью, так и с непреходящей вечностью. Актуализировать всеобщий характер связи различных явлений окружающего мира, показать особую роль преемственности и последовательной повторяемости в причинно-следственном и временном развитии для поэта оказывается основополагающей концептуальной задачей лирического творчества.

Однако несмотря на значительное число работ, посвященных исследованию творчества Мандельштама в аспекте циклизации, ряд фактов до сих пор остается не изученным полностью. К таким сверхтекстовым образованиям относится и особый цикл, впервые упомянутый К. Ф. Тарановским и названный им внутренним. Его краткое описание («У всех поэтов есть свои любимые темы, свои любимые образы и даже свои любимые слова. Все эти повторяющиеся темы и образы создают внутренние циклы в творчестве данного поэта, которые невозможно вместить в точные хронологические

¹ Целостность // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С. 917.

² Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирики // Теория литературы: В 4 т. Т.3. – М.: ИМЛИ, 2003. – С.511-512.

рамки»³⁾ представлено в работе ученого «Очерки о поэзии Мандельштама». Стоит отметить, что использование данного термина носит условный, но мотивированный характер. Определение цикла как «внутреннего» подразумевает особый характер моделирования контекста с учетом как авторской, так и исследовательской интенции. Кавычки в данном случае обусловлены цитированием термина, который, не являясь традиционным и теоретически отрефлексированным, тем не менее принадлежит К. Ф. Тарановскому. Данное высказывание ученого оказывается одним из наиболее универсальных и плодотворных предположений в сфере циклизации (в силу максимально расширенного диапазона охватываемых явлений), но нуждается в теоретической разработке и систематизации на непосредственном поэтическом материале.

Степень изученности проблемы. Изучение творчества О. Э. Мандельштама, начиная со второй половины XX века, становится одним из наиболее активных и стремительно расширяющихся, многоаспектных направлений современного литературоведения. Отечественные и зарубежные традиции мандельштамоведения представлены многочисленным количеством научных концепций, подходов и методов исследования. «Задержанное» до 1980-х гг. в советском пространстве, мандельштамоведение актуализируется в зарубежном исследовательском дискурсе, начиная с 1950-х гг.. Осуществление непосредственного взаимодействия двух традиций и их взаимообогащение реализуется с конца 80-х гг. На этапе становления мандельштамоведения как в России, так и за рубежом необходимость в первую очередь распространения и сохранения творческого наследия поэта мотивировала особую актуальность обращения к биографическому и текстологическому аспекту. Первые издания избранных сочинений Мандельштама со вступительными статьями, предисловиями и комментариями, подготовленные ведущими учеными (Г. П. Струве, Б. А. Филиппов, С. С. Аверинцев и др.) поставили ряд проблем текстологического и собственного филологического характера, обозначив будущие направления литературоведческих, культурологических и исторических исследований. Значимость биографического материала и сложность его анализа, а также актуальность прояснения многочисленных «темных» пятен в творчестве Мандельштама была представлена деятельностью жены поэта, Н. Я. Мандельштам, объединившей вокруг себя первых мандельштамоведов (А. А. Морозов, И. М. Семенко и др.). Книги, написанные Н. Я. Мандельштам, как неоценимый источник прижизненных свидетельств не только о самом поэте, но и о его текстах, послужили отправной точкой как для создания произведений мемуарного жанра, так и для становления жанра творческого очерка, поэтической характеристики, а в дальнейшем – и монографии. Необходимость создания полного или концентрированного систематического описания художественного мира Мандельштама привела к возникновению традиции, в отечественном литературоведении представленной именами С. С. Аверинцева, Н. А. Струве, М. Л. Гаспарова, Ю. Л. Фрейдина, В. В. Мусатова, О. А. Лекманова, Л. Г. Кихней и др.

Изучение творчества поэта с актуализацией и подробным разбором той или иной частной проблемы, складывается в многоаспектное направление в современном мандельштамоведении, основными разделами которого оказываются исследования, посвященные определению места творчества поэта в историко-литературном или культурном процессе, а также взаимодействие с различными художественными системами и/или творческими индивидуальностями (О. А. Лекманов, С. Н. Бройтман, О. А. Клинг, И. И. Чекалов, Л. Ф. Кацис, Р. Томсон и др.); исследования избранных периодов творчества (В. В. Мусатов, Б. М. Гаспаров, Левин Ю. И. и др.) или произведений поэта (М. Л. Гаспаров, А. К. Жолковский, П. П. Нерлер, И. Вольф и др.). Некоторые проблемы могут приобретать характер отдельного аспекта с выделением уже внутри него собственных разделов. Так, обширный материал в мандельштамоведении представлен и

³⁾Тарановский К. Ф. Очерки о поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.18.

систематизирован в рамках изучения влияния античной традиции на творчество Мандельштама, традиций поэтов XIX (Мандельштам и Тютчев, Мандельштам и Пушкин и др.) и XX века (Мандельштам и Анненский, Мандельштам и Гумилев и др.) или в аспекте взаимодействия творческой системы поэта и того или иного художественного направления (Мандельштам и символизм/акмеизм и т.п.). В ряде современных научных работ актуализируется междисциплинарный подход с привлечением данных философии, культурологии, мифологии, психологии, лингвистики (В. Н. Топоров, К. Ф. Тарановский, Е. А. Попов, Ф. Нетеркотт, Ю. Б. Орлицкий, Л. Г. Панова, Л. А. Колобаева, Н. Н. Богданов, А. С. Демина и др.).

Отдельную группу составляют исследования творчества поэта, связанные с изучением тех или иных категорий или явлений поэтики. Своеобразную традицию на сегодняшний день представляет анализ субъектной структуры лирики Мандельштама (Д. И. Черашняя, О. Н. Николенко, А. Н. Чеботарева и др.); тематическое и образно-мотивное прочтение творчества (М. Л. Гаспаров, А. К. Жолковский, Л. Л. Горелик, В. В. Кравец, Д. М. Магомедова, Е. В. Завадская и др.); изучение циклических (традиционных и нестандартных) образований (В. И. Тюпа, Л. Д. Гутрина и др.) и т.п.

Одним из основоположников зарубежного изучения творчества Мандельштама, оказавшим значительное влияние на отечественные традиции, стал К. Ф. Тарановский, представивший контекстный метод исследования, или метод «открытых» интерпретаций. Данное направление в дальнейшем разработано учениками исследователя О. Роненым и С. Бройдом.⁴ Главным достижением ученого, чьи изыскания повлияли на формирование одного из крупнейших отечественных мандельштамоведов М. Л. Гаспарова, стало введение понятий «контекста» и «подтекста» (в авторском значении) в практику интерпретаций поэтических произведений Мандельштама с возможностью актуализации подтекстов (представленных текстами других поэтов и писателей) и исследовательского моделирования контекстов в рамках творчества данного поэта. Последнее позволило К. Ф. Тарановскому заявить о существовании поэтологического явления «внутренний» цикл⁵ без дальнейшей теоретической рефлексии данного факта.

«Внутренний» цикл нуждается в подробных исследованиях и дальнейшем изучении с определением его специфических особенностей формирования и функционирования. Сегодня «внутренний» цикл определяется как система произведений одного автора, взаимосвязанных единством точки зрения лирического субъекта и его рефлексии, общностью тематической, мотивной и образной структур, а также целостным динамически развивающимся лирическим сюжетом и хронотопом.

Актуальность исследования определяется значимостью изучения «внутренней» циклизации как одной из проблем современного литературоведения. Изучение лирического творчества поэтов первой половины XX века остается одним из наиболее динамично развивающихся направлений науки. При этом ряд фактов нетрадиционной (имплицитной) циклизации до сих пор нуждается в более тщательном и подробном систематическом изучении. Обращение к творчеству других поэтов (В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, А. А. Блока, А. Белого) в аспекте как классической эксплицитной циклизации, так и нестандартных сверхтекстовых явлений имеет богатую историю изучения. Так, последние научные концепции представлены работами Ветошкиной З. А., Глинина Г. Г., Ильенков А. И., Кулик А. Г., Магомедова Д. М., Молчанова Н. А., Щедракова О. Н. и др. В современном мандельштамоведении традиция изучения циклических образований лишь начинает складываться и нуждается в освещении всех явлений, демонстрирующих реализацию тенденции циклообразования.

⁴ Описание и теоретическая рефлексия метода представлены в статье О. Ронена «К.Ф. Тарановский и “раскрытие подтекста”» в филологии // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. – СПб: Гиперион, 2002. – С.175-184.

⁵ Тарановский К.Ф. Очерки о поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. –С. 18.

В рамках изучения лирического творчества Мандельштама одной из важнейших задач оказывается необходимость создания и систематического осмысления в историко-литературном контексте концепции, обосновывающей существование в творчестве Мандельштама сверттекстового явления, основанного не только на формальных авторских эксплицитно определенных критериях. Изучение лирического наследия того или иного поэта в аспекте реализации действия потенциальной циклизации позволит более плодотворно использовать в рамках литературоведческого исследования контекстный метод анализа и интерпретации.

Цель исследования — выделить в лирическом творчестве Мандельштама, представленном стихотворениями 1908-1937 гг., «внутренний» цикл. Для этого определить теоретические и методологические основания дифференциации сверттекстового явления и описать его ключевые особенности на конкретном поэтическом материале.

Задачи исследования:

- 1) систематизация тематического содержания «внутреннего» цикла о познании;
- 2) определение лирического сюжета «внутреннего» цикла Мандельштама;
- 3) выделение основных этапов и смысловых центров в развитии лирического сюжета «внутреннего» цикла;
- 4) анализ субъектной структуры «внутреннего» цикла с выделением лирического героя;
- 5) описание эволюционного развития лирического субъекта, представленного в рамках «внутреннего» цикла;
- 6) образно-мотивный анализ стихотворений, составивших «внутренний» цикл Мандельштама.

Объект исследования — «внутренний» цикл как особое поэтологическое явление, основанное на субстанциональной целостности и конструирующееся при участии как авторской, так и читательской/исследовательской активности. Данное сверттекстовое явление становится объектом исследования как для теоретико-методологического описания («внутренний» цикл как специфическое образование), так и для анализа и интерпретации непосредственного поэтического материала, представленного стихотворениями О. Э. Мандельштама.

В отечественном и зарубежном литературоведении представлены научные работы, в которых изучение стихотворений Мандельштама происходит посредством контекстного рассмотрения с выделением тех или иных групп текстов. Чаще всего основанием для объединения становится тематическая близость. Необходимость учета одновременно и содержательных, и формальных признаков, являющихся общими для ряда стихотворений, может быть реализована при моделировании исследователем такого явления, как «внутренний» цикл. Особенности изучения такого сверттекстового объекта предполагают первоначальное установление и определение тех его характеристик, на основе которых будут отбираться входящие в состав стихотворения. Как любой целостный объект, представленный единством разных составляющих частей, «внутренний» цикл нуждается в систематизации посредством выделения в его композиции определенных этапов, отмеченных смысловыми и формальными изменениями в развитии лирического сюжета и других категорий (субъекта, хронотопа, тематического и образно-мотивного содержания).

Предмет исследования — «внутренний» цикл, моделируемый в лирическом контексте стихотворений Мандельштама на основе сквозного развивающегося лирического сюжета и характеризующийся рядом отличительных черт. Данное сверттекстовое единство выделено и сформировано из произведений поэта 1908-1937 гг. с учетом авторской интенции, заложенной в развитии единого для всех составляющих «внутреннего» цикла лирического сюжета и тематического содержания.

Первоначальное изучение лирического контекста поэта и его метапоэтических высказываний свидетельствует в пользу того, что главным событийным рядом,

образующим сквозной динамически развивающийся сюжет «внутреннего» цикла, является процесс познания. При этом специфическая особенность поэтической картины мира Мандельштама заключается в восстанавливаемом целостном восприятии окружающего мира как познаваемого явления, представленного синтезом различных сфер. Выявление последних позволило определить и описать тематическое содержание «внутреннего» цикла.

Материал исследования — поэтические произведения О. Э. Мандельштама 1908–1937 гг., составившие «внутренний» цикл о познании: ранние стихотворения 1908-1909 гг., не вошедшие в сборники; первый поэтический сборник «Камень» 1913 г.; стихотворения 1914–1925 гг. с выделением так называемого античного текста; поздняя лирика 1930–1937 гг., микроциклы «Армения» и «Восьмистишия»; стихотворение «Нашедший подкову». Данные тексты выбраны как наиболее ярко демонстрирующие основные характерологические признаки «внутреннего» цикла и отмечающие главные этапы развития сквозного лирического сюжета.

Научная новизна исследования в теоретическом аспекте обусловлена необходимостью в более подробной разработке определения «внутренний» цикл с уточнением его характеризующих критериев. В историко-литературном аспекте научная новизна заключается в применении контекстного метода анализа К. Ф. Тарановского по отношению к особому единству – ряду входящих в состав сверхтекста лирических произведений. Контекстное рассмотрение стихотворений поэта, организованное на новых основаниях, может позволить при анализе текстов, уже имеющих обширную историю научного изучения (тексты, вошедшие в «Камень»; стихотворение «Нашедший подкову»; микроциклы «Армения» и «Восьмистишия» и др.), выделить новые проблематические аспекты и актуализировать иные содержательные смыслы.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили общепризнанные принципы историзма и системности, теоретические исследования, посвященные лирической циклизации ведущих отечественных литературоведов (М. Н. Дарвин, Л. Е. Ляпина, В. А. Сапогов, Л. Г. Акопян, И. В. Фоменко, Е. С. Хаев, В. И. Тюпа, и др.). Включение и критическое осмысление различных научных позиций и подходов обусловлены стремлением учесть все существующие мнения и рассмотреть анализируемый объект объективно и многопланово, проведя сравнения с ранее выделенными подобными явлениями. В качестве основы для методологии исследования выбран контекстный метод изучения, введенный и представленный в интерпретации поэтических текстов Мандельштама К. Ф. Тарановским и его последователями.⁶

При анализе поэтического материала использованы теоретические и историко-литературные исследования отечественных и зарубежных авторов, обращавшихся к творческому наследию Мандельштама (С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, А. К. Жолковского, Ю. И. Левина, О. А. Лекманова, О. Ронена, И. М. Семенко, К. Ф. Тарановского, Е. А. Тоддеса, Ю.Л. Фрейдина и др.).

Теоретическая и практическая значимость диссертации связана с возможностью использования полученных результатов в дальнейшем изучении явлений поэтической циклизации и различных жанрово-композиционных сверхтекстовых форм. Определение и описание такого факта, как «внутренний» цикл позволяет уточнить и дополнить различные существующие классификации сверхтекстовых образований. Кроме того исследование «внутреннего» цикла может способствовать расширению и углублению существующих научных представлений о явлении имплицитной «внутренней» циклизации. В практическом аспекте использование представленных материалов может быть осуществлено в различных вузовских историко-литературных курсах по русской

⁶ Одно из наиболее полных описаний метода К.Ф. Тарановского и его практических реализаций представлено в статье Г. А. Левинтона и Р. Д. Тименчика «Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама» //Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 404 – 416.

поэзии XX века, а также при составлении спецкурсов, посвященных анализу лирического произведения.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Внутренний» цикл определяется как система произведений одного автора, взаимосвязанных единством точки зрения лирического субъекта и его рефлексии, общностью тематической, мотивной и образной структур, а также целостным динамически развивающимся лирическим сюжетом и хронотопом.
2. Ведущим «внутренним» циклом в творчестве Мандельштама является цикл о познании, представленный лирическими стихотворениями 1908–1937-х гг. Основные этапы, выделяемые в лирическом сюжете «внутреннего» цикла, тесно связаны с эволюционным развитием субъекта и движением его рефлексии к пробуждению познавательной и креативной способности; главным событием «внутреннего» цикла становится пробуждение творческой способности и создание поэтического текста.
3. Основное содержание «внутреннего» цикла Мандельштама о познании представлено синтезным развитием темы мировой культуры, темы природы и темы творчества, возникающим как смысловой итог постижения мира лирическим героем в результате осуществленного пути познания с итоговым событием пробуждения творческой способности и рождения поэтического текста.
4. В динамическом развитии «внутреннего» цикла Мандельштама можно выделить несколько смысловых центров, частный сюжет которых совпадает с макросюжетом целого. Эта особенность объясняет концентрированное и композиционно организованное присутствие в произведении всех основных образов, мотивов и тем, отдельно заявленных и в той или иной мере развитых в других стихотворениях цикла. При этом функция смыслового центра как кульминации в развитии сюжета о познании и творении предопределяет особое положение стихотворения в композиции и архитектоники целого.

Апробация работы и публикации. Промежуточные и основные итоги исследования освещались в докладах на конференциях различного уровня: международных (Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» — 2009 и 2010; Международная научно-практическая конференция XI Кирилло-Мефодиевские чтения. Форум молодых ученых — 2010; XIV Международная научная конференция студентов-филологов 2011 в Санкт-Петербурге; Международный научный Форум студентов, аспирантов и молодых ученых стран Азиатско-Тихоокеанского региона 2011 Всемирный Виртуальный Конгресс по русистике и культуре Планета «Русский язык в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве» 2012; Всемирный Виртуальный Конгресс по русистике и культуре Планета «Русский язык в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве» 2012; Международная научная конференция «Гуманитарные науки и современность» 2013; XIX Conference of the International Association for Intercultural Communication Studies 2013) и всероссийских конференциях (XIII Межвузовская научная конференция студентов-филологов СПбГУ 2010).

Результаты исследования нашли отражение в 13 опубликованных работах.

Структура работы обусловлена поставленными задачами. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, насчитывающей 241 наименование. Общий объем диссертации составляет 232 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается правомерность постановки проблемы, ее актуальность и научная новизна, методологическая база диссертационного исследования, определяются

цели, задачи и основные методы исследования, научный инструментарий работы.

Первая глава «“Внутренний” цикл как особое поэтологическое явление» состоит из двух параграфов. В параграфе 1.1. **«Особенности “внутреннего” цикла как нетрадиционного сверхтекстового образования. Критерии выделения»** представлено осмысление отечественной литературоведческой традиции в изучении общепризнанных классических и нестандартных циклических образований. Основным материалом, анализируемый в данном разделе, составляют теоретические и историко-литературные научные работы XX века, в целом дающие представление об истории изучения лирической циклизации: концепции литературоведов второй половины XX века (В. В. Сапогов, Л. Г. Акопян, И. В. Фоменко, Л. В. Спроге, Л. Я. Гинзбург, Л. К. Долгополова и др.) и современные научные представления (Л. Е. Ляпина, М. Н. Дарвин, В. И. Тюпа, К. Ф. Тарановский, А. Г. Кулик и др.). Особое внимание уделено метапоэтическим текстам, посвященным тем или иным аспектам исследуемого явления: в данном случае это теоретические высказывания А. А. Блока и А. Белого.

Основное содержание параграфа состоит в теоретическом осмыслении специфического нетрадиционного циклического образования, получившего название «внутренний» цикл. Внимание сосредоточено преимущественно на выявлении определяющих поэтологических черт, на основе которых возможно дифференцировать «внутренний» цикл среди других подобных сверхтекстовых единств. Для этого произведено сравнение традиционного и «внутреннего» циклов. В основу определения «внутреннего» цикла положена концепция К. Ф. Тарановского. Своеобразие выделения, описания и анализа такого сверхтекстового единства, как «внутренний» цикл, по логике исследователя, определяется взаимодействием двух активных интенций, участвующих в процессе моделирования целого: авторской (креативной) и читательской/исследовательской (реципиентной). Проведено теоретическое осмысление единичного высказывания ученого с актуализацией выделяемых критериев «внутреннего» цикла, а также их расширением. При этом особенно акцентирована роль субстанциональной категории целостности, являющейся основой как для традиционного, так и «внутреннего» цикла. Отмечена конституирующая связь данной философско-эстетической категории с категорией лирического сюжета.

Итогом осмысления теоретического материала в первом параграфе стало выделение основных специфических признаков, характеризующих своеобразие исследуемого явления («внутреннего» цикла). К таким признакам отнесены единство тематического содержания (каждый последующий из входящих в состав «внутреннего» цикла текст так или иначе развивает уже заданные в предыдущем теме); единая/сквозная система мотивов и художественных образов (варьируемая от полностью тождественных и повторяемых до синонимичных или семантически близких), а также система повторяющихся от текста к тексту инвариантных символов и архетипических представлений; единство хронотопического развития: полное представление и разворачивание образов художественного времени и пространства может быть представлено или воссоздано только в контексте целого «внутреннего» цикла; единство образа лирического субъекта или единая система таких субъектов; единство инвариантных приемов поэтики, призванных на формальном уровне отразить ключевые содержательные особенности: система художественных средств и приемов, особенности поэтического стиля и т.п.

Во втором параграфе **«Общая характеристика “внутреннего” цикла о познании в творчестве О. Э. Мандельштама: основные этапы»** представлена целостная характеристика исследуемого в диссертационной работе явления: конкретного «внутреннего» цикла в лирическом творчестве поэта. Для этого проведено описание и осмысление опыта современной практики анализа и интерпретации нетрадиционных имплицитных циклических тенденций в творчестве О. Э. Мандельштама. В параграфе рассматриваются основные научные концепции современного мандельштамоведения, в

том или ином аспекте затрагивающие проблемы циклизации: работы И. М. Семенко, Ю. И. Левина, К. Ф. Тарановского, О. Ронена, В. И. Тюпы, Л. Д. Гутриной и др. Результатом данного обзора становится обоснование целесообразности обращения к творчеству Мандельштама в аспекте изучения «внутреннего» цикла. Основное содержание параграфа состоит в описании лирического сюжета «внутреннего» цикла о познании и определении единого лирического сюжета, чье развитие проходит три главных этапа, которые соответствуют выделяемым этапам свертываемого единства. Выполнено описание каждого этапа «внутреннего» цикла, представленного группой стихотворений с мотивированным выделением одного или нескольких текстов как наиболее показательных. Принадлежность произведений к тому или иному этапу цикла мотивировано с учетом отмеченных в первом параграфе критериев, которые справедливы как для целого единства, так и для каждого из его этапов. Отдельное внимание обращено на объяснение фактов совпадения или несовпадения хронологического порядка следования текстов в контексте творчества Мандельштама и в развитии «внутреннего» цикла. Помимо трех основных этапов выделены также смысловые центры, чье особое положение в составе целого также определено рядом их содержательных и формальных особенностей.

Во второй главе «Тема мировой культуры как сюжетобразующая “внутреннего” цикла О. Э. Мандельштама» исследуется одна из ведущих тем, составляющих основное содержание «внутреннего» цикла. Глава состоит из двух параграфов.

В параграфе 2.1 **«Формирование темы мировой культуры в составе “внутреннего” цикла»** основное внимание сосредоточено на первом этапе «внутреннего» цикла, соответствующего стадии выделения самосознания лирического субъекта (стихотворения 1908–1909-х гг. «О красавица Сайма...», «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный» и др.). В качестве поэтического материала было выбрано первое стихотворение, созданное в 1908 г. «О красавица Сайма...». Для данных текстов характерно отсутствие прямо названных или явно выраженных культурологических образов при преобладании образов природы, материального осязаемого мира, косвенно вводимых реалий и представлений христианской религии. Принципиально отличаются в стихотворениях 1908–1909 гг. способы выражения лирического субъекта: от подчеркнутой объективированности, «растворенности» в изображенном словом мире (отсутствие вводимых в текст субъектов либо выражение субъекта максимально обобщенной формой) до предельной заостренности на оттенках собственных ощущений и попыток самоанализа. Несмотря на доминирование мотивов неуверенности, хрупкости, краткости, связанных с лирическим «я», преобладающее большинство данных произведений не содержит драматического или трагико-драматического пафоса, появляющегося в более поздних произведениях Мандельштама. Ощущение гармонии и продолжения жизни, окрашенные в элегические тона, — это знак обретения еще не оторефлектированной, но уже найденной лирическим героем связи с мировой культурой и шире — вечностью. В произведениях 1908–1909 гг. эта связь осуществляется посредством обращения к трем темам: теме творчества, природы и христианской культуры (при нередком их сочетании в пределах одного стихотворения).

Главным лирическим событием на раннем этапе развития темы мировой культуры становится пробуждение индивидуального сознания и потенциальное появление рефлексии индивидуальности, которая пока направлена на попытку само-осознания и соотношения собственного существования с бытием окружающего мира.

В параграфе 2.2 **«Сборник “Камень” как микроцикл о культуре в составе “внутреннего” цикла»** продолжается исследование начального этапа «внутреннего» цикла на материале стихотворений 1908–1913 гг., входящих в состав первого поэтического сборника Мандельштама «Камень». Стихотворения, составляющие «Камень», могут быть рассмотрены как имманентное целое, достаточно обособленное в

пределах всего творчества. Однако данные тексты поэта отличает ряд специфических черт, что позволяет прочесть «Камень» как особую часть «внутреннего» цикла. В контексте целого сборника происходит значимое развитие уже обозначенных тем, образов и мотивов, а также углубление психологической мотивировки эмоционально-чувственного состояния лирического героя и усложнение хронотопической системы за счет введения символических топосов.

Ключ к пониманию смысловых линий развития этой части «внутреннего» цикла содержится в доминанте сборника, с помощью которой во многом организуется целостность, — в его названии. Камень — символический образ, восходящий к тютчевскому предшественнику, но своеобразно истолкованный Мандельштамом в свете ключевых для его поэтической картины мира идей «вечного возвращения» и всеобщих связей.

Специфическое развитие ведущей темы объединяет группу стихотворений, в которых рефлексия лирического героя сосредоточена на постижении памятников мировой культуры (архитектурных памятников): «Notre Dame», «Айя-София», «Адмиралтейство». Три названных произведения рассматриваются как особое единство в составе целого — архитектурный «триптих».

Третья глава **«Эволюция темы природы в развитии “внутреннего” цикла О. Э. Мандельштама»** посвящена изучению особенностей другой ведущей темы, влияющей на динамику лирического сюжета «внутреннего» цикла, а также на характер рефлексии лирического героя. Тема природы в лирике Мандельштама, появляясь впервые в ранних стихотворениях 1908–1909 гг. проходит через все творчество поэта, отражая этапы эволюции лирического субъекта и развитие сквозного сюжета «внутреннего» цикла. Глава состоит из двух параграфов.

В параграфе 3.1 **«Античный текст в составе “внутреннего” цикла»** внимание сосредоточено на осмыслении особенностей, характерных для стихотворений 1914–1920-х гг., составляющих особый этап в развитии лирического сюжета «внутреннего» цикла («Равноденствие», «Когда держался Рим в союзе с естеством», «Природа — тот же Рим и отразилась в нем», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса», «С веселым ржанием пасутся табуны», «Золотистого меда струя из бутылки стекла» и др.) на примере стихотворения «Золотистого меда струя...». Данные тексты посвящены проблематике творчества, природы и мировой культуры, непосредственно раскрывающейся через античные реалии и представления. Для произведений этого периода характерно не только качественное увеличение образно-мотивных форм присутствия в тексте античных элементов, но и их семантическое усложнение (участие в неоднозначных и развернутых аналогиях, функционирование в составе сложных и развернутых метафор, «затемнение» символического смысла и т.п.). Одновременно развитие общего сюжета текстов отражает качественно новый этап в эволюции лирического героя, рефлексия которого теперь сосредоточена на решении проблемы жизни и смерти, причем доминирование последней не вызывает преобладания тревожно-негативных чувств. В эмоциональном восприятии субъект остается, как правило, эпически спокойным, что, однако, не снимает внутреннего конфликта между желаемым (отсутствие смерти, продолжение жизни, приближение к вечности) и реальным (близость и неминуемость смерти, разделение души и тела и др.).

Эволюция темы природы в развитии лирического сюжета «внутреннего» цикла связана с акцентированным и параллельно соположенным развитием темы творчества. Динамическое развитие субъекта, мотивированное его осмыслением окружающего мира уже самодостаточным сознанием, находит отражение прежде всего в изменении образов и мотивов творчества, которые из имплицитных, подтекстовых и ассоциативных становятся конкретно выраженными и обозначенными. При этом их главной особенностью остается невозможность бытования вне тесной со- и противопоставленности с образами природы.

Ряд образов и мотивов в античном тексте Мандельштама вызывает ассоциации с темой бытовой культуры, особенно актуализированной в данный период развития

макросюжета. В хронотопическом содержании «внутреннего» цикла происходит значимое эволюционное развитие за счет введения в контекст символических образов Рима, Тавриды (Крыма). Появление античности как особого символического топоса мотивировано движением лирического сюжета, на втором этапе которого воспринимающее сознание способно не только констатировать собственные субъективные состояния, но и осознавать временную и историческую преемственность и повторяемость. Поиск основ для необходимого восстановления целостности вызывает обращение к другим эпохам, причем выбор в пользу античности обусловлен ее инвариантным синтезным содержанием, вариативной реализацией которого выступают два других символически значимых топоса – Крым (Таврида) и Санкт-Петербург. Эволюция лирического субъекта, предполагающая его качественные изменения, одним из своих следствий имеет усиление и усложнение характера диалогичности как важнейшей содержательной и формальной особенности.

Так, стихотворение «Золотистого меда струя...» посвящено прежде всего осмыслению вопроса о взаимоотношениях своего и чужого, следствием которого становится продолжение развития выявленных ранее философом (жизни и смерти, времени и вечности и др.). Одним из условий разрешения потенциального конфликтного противопоставления своего и чужого оказывается осознание лирическим героем целесообразности миропорядка, осуществляемой в том числе и за счет циклически организованного («кругового», повторяющегося) времени. Соотношение своего и чужого, прошлого и настоящего, природного и творческого представлено в развитии и последовательной реализации субстанциональной идеи диалогичности; бытия, понимаемого как осуществление «большого диалога».

Форма диалогического взаимодействия субъектов в стихотворении становится средством реализации идеи соотнесения своего и чужого, причем это сопоставление развивается на разных уровнях. В общей композиции целого текста хронотопическая сфера собеседника («хозяйки») по отношению к лирическому герою первоначально воспринимается как чужое, иное; а главным лирическим событием становится акт приобщения/постижения. Характерно, что он осуществляется и в слове/диалоге (мотив близости субъекта с другими людьми теперь актуализирован формой местоимения в реплики хозяйки: («здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла»⁷), и в действии (мотив движения как осуществления пути с преодолением границ/продвижением вглубь: «после чая мы вышли в огромный коричневый сад»⁸). На уровне детализации постигаемой хронотопической сферы также происходит соотнесение своего и чужого, тесно связанное уже с развитием философы времени: пространство и время субъектов – это «здесь», «печальная», «каменистая» Таврида, «сад», «комната белая». В контексте «внутреннего» цикла этот обобщенный образ южного древнего топоса всегда воспринимается как имеющий реальный аналог в современности (Крым) и существующий в кругозоре лирического героя как действительная (подлинная) реалья. Однако введение в сюжет такого образа всегда сопровождается сопоставлением с его предшественником – символическим образом античного мира. При этом потенциальная идея противопоставления и различия не реализуется, трансформируясь в комплекс представлений о преемственности и вечном/постоянном возвращении: «в каменистой Тавриде наука Эллады – и вот / Золотых десятин благородные ржавые грядки».⁹ Такое специфическое развитие идеи своего и чужого на различных текстовых уровнях обуславливает особенности организации стихотворения, пытающейся совместить различные кругозоры при сохранении точки зрения лирического героя.

⁷Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т.1. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – С. 97.

⁸Там же.

⁹Там же.

Поиск основ для необходимого восстановления целостности вызывает обращение к другим эпохам, причем выбор в пользу античности обусловлен ее инвариантным синтезным содержанием, вариативной реализацией которого выступают два других символически значимых топоса – Крым (Таврида) и Санкт-Петербург.

Параграф 3.2. **«Кульминация развития темы природы в позднем творчестве О. Э. Мандельштама»** посвящен анализу стихотворений, представляющих развитие темы природы в поздней лирике Мандельштама (1930–1937 гг.), которая чаще всего соответствует завершающему этапу лирического сюжета. В качестве предмета исследования выбран микроцикл «Армения» как художественное произведение, которое открывает новый период развития «внутреннего» цикла с соответствующей эволюцией содержания и поэтики. «Армения», являясь частью в составе целого (макроцикла), рассматривается как микроцикл; частное целое, представленное единством двенадцати тесно связанных между собой стихотворений.

Стихотворениями 1930-х гг. («Армения», «Колючая речь Араратской долины», «Как люб мне натугой живущий», «Дикая кошка – армянская речь», «Ламарк», «О, как мы любим лицемерить», «Восьмистишия», «Не мучнистой бабочкою белой», «Рождение улыбки», «Не у меня, не у тебя – у них», «Внутри горы бездействует кумир», «В лицо морозу я гляжу один», «Что делать нам с убитостью равнин», «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева», «Гончарами велик остров синий», «Флейты греческой тэта и йота») открывается новый этап в развитии лирического сюжета «внутреннего» цикла О. Мандельштама. Попытки восстановления целостности разъединенного сознания путем обращения к истории и культуре прошлого (чаще всего далекого античного) обусловили особое осмысление и решение темы природы в стихотворениях 1914–1920-х гг. Главное достижение познающего сознания — обретение утраченной гармонии за счет приобщения к миру природы, представляемой как некий синтез естественного (принадлежащего универсуму) и рукотворного (создаваемого человеком). Такая философская концепция на уровне поэтики оказалась реализованной через усложнение многозначных символических образов (Рим, Санкт-Петербург, Таврида, корабль, земля и др.), а также через введение в лирический контекст приемов сравнения, сопоставительной аналогии или развернутой метафоры. Однако незавершенность эволюции лирического героя и развития целого «внутреннего» цикла в стихотворениях 1914–1920-х гг. объясняется в том числе и условным, моделируемым характером восстановленной целостности. Широкий мотивно-образный комплекс с инвариантным значением гармонии чаще всего отнесен к ушедшему прошлому, лишь актуализированному посредством памяти, которая оказывается пробужденной созерцанием вечно пребывающий природы.

Начиная с 1930 г., появляется значимая в контексте целого единства интенция субъекта в собственной рефлексии довести до конца процесс самоидентификации и восстановления целостности в настоящем, которое как непосредственное продолжение прошедшего может стать залогом будущего. Будущее же, понимаемое как новое повторение уже минувшего, завершает своего рода временной и пространственный круг, образ которого является одной из самых ярких репрезентаций философы целостности. Именно стремлением лирического героя восстановить единство нелинейно понятого времени и максимально расширенного пространства мотивируется и актуализация обращения к настоящему. Последнее, однако, представлено не столько как злободневное и социально узнаваемое, но как медиаторное, промежуточное пространство-время, позволяющее заново открыть потерянные или прежде отвергаемые субъектом причинно-следственные связи.

Лирическое событие нового познания воспринимающим субъектом мира природы в контексте движения сюжета «внутреннего» цикла является своего рода продолжением и последовательно-эволюционным развитием начального события, аналогичного по содержанию. Таким нетождественным семантическим дублированием определяется особый образно-мотивный и ассоциативный характер связей условно выделяемого

первого этапа динамического изменения мифопоэтической картины мира Мандельштама с последним. Так, главным событием, лежащим в основе моделируемого единства хронологически первых стихотворений поэта, оказывалось выделение собственного, еще не вполне оформившегося сознания из окружающего пространства природы, представленной как некое изначальное (и онтологически постоянное) синкретическое состояние Хаоса-Космоса. В стихотворениях 1930-х гг. лирический герой, вновь обращаясь к природному миру, осуществляет значимое приближение и своего рода символическое возвращение к оставленному пространству и времени. Последнее чаще всего в поздних произведениях представлено амбивалентно, как предельно широкий и самодостаточный универсум, который, тем не менее, входит в состав или является частью целого. Однако именно возвращение к исходному состоянию с нетождественным опытом по сравнению с этапом отделения сознания позволяет лирическому субъекту приобрести качественно новый характер авторефлексии. Изменения в восприятии «я» связано прежде всего с пробуждением в ходе развития сюжета целого цикла творческой способности и преодолением драматизма разъединенности как глобальной характеристики универсума. В новой мифопоэтической картине мира поэта познающий субъект утверждает особый характер взаимодействия и соотношения части/целого пространства, синкретически не разделяющего Хаос-Космос и пространство реального «человеческого» ограниченного бытия.

Однозначным условием для включения в контекст целого «внутреннего» цикла произведений 1930–1937 гг. оказывается аналогичное предшествующим периодам осмысление природы как одного из ключевых концептов в развитии философии целостности. В числе возможных основ для восстановления причинно-следственной цепи событий и явлений осязаемого мира настоящего, существующего в «маленькой вечности» — вечном бытии — оказывается и взаимодействие с природой. Мир природы в мифопоэтике Мандельштама активно участвует как в начальном событии лирического сюжета «внутреннего» цикла (прообраз будущего познаваемого пространства и времени, исходная изначальная среда), так и в завершающем (продолжение и аналог человеческой деятельности: искусства, быта, религии и др.). На уровне поэтики такая мировоззренческая концепция находит отражение прежде всего в синтезном развитии в пределах единого лирического сюжета стихотворения тем творчества, мировой и бытовой культуры, которые как результат деятельности человека не только влияют на природу, но и определяются ей. Взаимообратное влияние различных по своему характеру сфер вселенной — одна из основных философем, формирующих сознание воспринимающего субъекта и движение его рефлексии.

В текстах 1930-х гг. актуализируется философское осмысление природы как особой культурной памяти, предшествующей началу становления частного бытия и продолжающейся после его завершения. Именно природа, понимаемая широко, в метафизическом аспекте, становится тем «текстом» и тем постоянным «памятником», понимание которого рождает креативную (творчески-воссоздающую) способность у начинающего обретать гармонию и целостность восприятия субъекта. Стихотворения 1930-х гг., продолжая обозначенные в предшествующем античном контексте образы и мотивы, расширяют их хронотопическое и мифопоэтическое содержание, выходя за границы условного прошлого, в настоящем оживляемого лишь в воспринимающем отдельные природные реалии творческом сознании. Необходимость контакта с природой для приобщения к «вечному» бытию обуславливает и акцентуацию диалога лирического субъекта с ней, а также призыва к со-переживанию всех его эмоционально-ценностных ощущений и состояний (проявляющегося в подчеркнуто интимной интонации близости, характерных олицетворениях и др.).

Так, постижение нового топоса (Армении) в кругозоре субъекта объяснимо предполагает мотив зрительного изучения/вглядывания/рассмотрения. В контексте «внутреннего» цикла этот повторяющийся мотив связан прежде всего не только с

внешним, но и внутренним постижением. В стихотворениях «Армении» мотив зрительного восприятия прежде всего вводится вместе с лирическим событием приобщения героя к окружающему миру, которое должно завершиться гармоническим синтезом объективно данного с субъективным восприятием. Однако это событие реализовывается не сразу: после первого визуального знакомства с Арменией, ее творческим природным пространством (первое и второе стихотворение) происходит осознание субъектом ограниченности и краткости собственного бытия, мучительность познания и отсутствие оснований для него в прошлом опыте (третье стихотворение). Это драматическое, оппозиционное в потенциальном развитии представление преодолевается путем осмысления судьбы Армении; события преодоленной смерти, которое оказывается своего рода проекцией на судьбу воспринимающего сознания (четвертое стихотворение). После этого происходит поиск необходимого основания в окружающем пространстве для продолжения пути познания – этим основанием оказывается возможность творчества, символически воплощенного в мотиве добывания розы, сопряженного с опасностью (пятое стихотворение). Последующее развитие образа розы как выражения творческого начала осуществляется в восьмом стихотворении, которому предшествуют два текста с уже объективным изображением пространства (шестое и седьмое стихотворения), где внешнее восприятие уступает место другим способам – прежде всего ассоциативному. В этом отношении ближайшим по смыслу стихотворением становится девятое восьмистишие, в котором главным лирическим событием становится полная объективизация визуального представления, обусловленная значимым событием примирения и осознанием возможности восстановления целостности как объединения частей.

Драматизм ограничения собственных познавательных возможностей, появившийся в третьем стихотворении («ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло», «ничего мне больше не надо») продолжается в одиннадцатом («я тебя никогда не увижу», «и уже никогда не раскрою»), где происходит уже подлинное осмысление значения постигаемого пространства и оснований особого онтологического статуса Армении («прекрасной земли пустотелую книгу, / По которой учились первые люди»).¹⁰ Это осознание подготовлено десятым стихотворением, в котором акцентировано обретение в окружающем пространстве гармонии и творчества, пока принадлежащего миру Армении, но адресованного воспринимающему сознанию («волосяная музыка воды! / Что это? Пряжа? Звук? Предупрежденье? / Чур-чур меня! Далёко ль до беды!»).¹¹ Тревожная попытка понять значение необычной музыки сменяется в двенадцатом стихотворении осмыслением целесообразности познания как прежде всего процесса, первопричина и возможность которого – в гармоническом примирении с окружающим бытием. В этой связи риторический вопрос в двенадцатом стихотворении («чего ж тебе еще?») может быть понят не как часть развивающегося в предшествующих текстах диалогического дискурса, а как вопрос, обращенный к самому себе и снимающий прежние драматические противоречия. Прежде осознаваемое как невозможное («и уже никогда не раскрою <...> прекрасной земли пустотелую книгу») становится единственно необходимым условием и первопричиной для пробуждения творческой способности («скорей глаза сощурь над книгой звонких глин»).¹²

Особую семантическую актуализацию приобретает символический образ земли-книги, которым завершается микроцикл и который, варьируясь, настойчиво повторяется в одиннадцатом и двенадцатом стихотворениях: «прекрасной земли пустотелую книгу», «над книгой звонких глин, над книжной землей, / Над гнойной книгой, над глиной дорогой В «Армении» развитие этого образа достигает максимальной кульминации,

¹⁰Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т.1. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – С. 150.

¹¹Там же. С. 149.

¹²Там же. С. 149.

прежде всего в усилении его амбивалентности. Участие же образа земли в развитии темы творчества призвано акцентировать субстанциональную значимость последнего как такой же первоосновы.

Распространенный образ музыки/мотив музыкального в первом стихотворении, как и во всей «Армении» оказывается также осложнен и реализован как амбивалентный. В контексте «Армении» музыка связывается непосредственно со стихией природы. В аудиальном восприятии лирическим героем нового пространства выделяется две группы звуков, непосредственно происходящих из природной среды: гармоническая музыка («какая роскошь в нищенском селеньи / Волосыная музыка воды!», «и в лабиринте влажного распева») и какофоническое, акцентированно громкое и неприятное звучание, в своей потенции способное лишить слуха как физической возможности («охрою хриплой», «бедное ухо оглохло», «хриплая охра», «орущих камней государство», «хриплые горы к оружию зовущая»).¹³ При этом мотивы резкости, жесткости, колкости как звуковые и воспринимаемые на слух характеристики актуализируются и в связи с введением в контекст мотивов языка, слова, что встречается и в примыкающих к микроциклу армянских стихотворениях. Однако в развитии лирического сюжета «Армении» мотивы амбивалентного неблагозвучия, широко представленные в начальных текстах (первое, второе, третье и шестое стихотворения), исчезают в завершающих, уступив свое место мотивам музыки и слова (десятое, одиннадцатое и двенадцатое стихотворения). Такое изменение звуковой характеристики пространства, окружающего лирического героя, связано прежде всего с особенностями происходящей и завершающейся к финальному стихотворению эволюции воспринимающего сознания.

В *четвертой главе «Модель развития лирического сюжета “внутреннего” цикла О. Э. Мандельштама: смысловые центры»* выделены произведения, являющиеся смысловыми центрами «внутреннего» цикла и представлен их аспектный анализ, в результате которого объяснена особая композиционная роль выбранных текстов в составе целого. В качестве смысловых центров рассматривается стихотворение 1923 г. «Нашедший подкову» и микроцикл «Восьмистишия». Четвертая глава состоит из двух параграфов.

Выбор произведений в качестве смысловых центров мотивирован их особой функцией в составе целого «внутреннего» цикла и как следствие — рядом специфических формально-содержательных характеристик.

Параграф 4.1 «Стихотворение “Нашедший подкову” как тематический центр “внутреннего” цикла» посвящен анализу ключевых образно-мотивных и тематических комплексов стихотворения, которые выступают в аналогичной функции и для всего «внутреннего» цикла. «Нашедший подкову» занимает важное место как своего рода смысловой центр целого, представляющий в концентрированном виде развитие лирического сюжета. Эта особенность объясняет концентрированное и композиционно организованное присутствие в произведении всех основных образов, мотивов и тем, отдельно заявленных и в той или иной мере развитых в других стихотворениях цикла. При этом функция смыслового центра как кульминации в развитии сюжета о познании и творении предопределяет особое положение стихотворения в композиции и архитектоники «внутреннего» цикла. Стихотворение не совпадает ни с одним из этапов сюжета, включая в себя их все и, таким образом, находится на границе начального (становление мира и пробуждения героя) и завершающего (обретение творчества и знания, возвращение к исходному состоянию) событий.

Стоит отметить, что несмотря на воспроизведение общей логики лирического сюжета целого цикла, каждый из подобных текстов («Грифельная ода», «Нашедший подкову», «Восьмистишия») не может быть рассмотрен как полный (тождественный) аналог сверткостекстового целого. Так, в развертывании сюжета «Нашедшего подкову»

¹³Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т.1. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – С. 145-150.

завершающий этап сюжета цикла (обретение знания и творчества и возвращение к синкретичному состоянию жизни-смерти) представлен в отношении не собственно лирического героя, а его ролевых аналогов (полное развитие данного этапа с точки зрения субъекта сознания и полное разрешение конфликта происходит в «Восьмистишиях»). Инвариантной доминирующей коллизией в развитии лирического сюжета становится осмысление времени лирическим героем, вызванная стремлением последнего идентифицировать себя как личность во всеобщем движении истории. Один из ключевых мотивов стихотворения — поиск и обретение — повторяется в ряде текстов в составе «внутреннего» цикла и традиционно связывается с познавательной активностью субъекта, преодолевающего драматизм как ведущий тип эстетического завершения (возникающий в ситуации рефлексивного соотношения большого грандиозного постоянного мира и незначительного хрупкого и мгновенного собственного бытия). Поиск становится одновременно и желанным (как достижение необходимого и недостающего), и трудным (как процесс познания мира в его разнообразных проявлениях). Поиску лирического героя в ряде случаев соответствует подобная (бытовая, творческая, научная, поэтическая) деятельность его ролевых аналогов. Время и его динамическое развитие осмысливается субъектом как неумолимая сила, перед которой индивидуум оказывается пассивным объектом, однако факт возможного преодоления этой ситуации был уже осуществлен в рефлексии (по отношению к другим субъектам) и будет завершён в ряде стихотворений, непосредственно продолжающих развитие основных сюжетных линий «Нашедшего подкову».

В параграфе 4.2 **«Микроцикл “Восьмистишия”: завершение эволюции лирического субъекта»** рассматриваются одиннадцать «Восьмистиший», созданных поэтом в период с 1933 по 1935 гг. По отношению к «внутреннему» циклу «Восьмистишия» — часть текста (микроцикл), последовательно продолжающая развитие общего сюжета, тематического и образно-мотивного, а также хронологического содержания. Единство поддерживается и продолжением эволюции лирического героя, составляющего смысловой центр субъектной структуры. Главным лирическим событием «Восьмистиший» становится пробуждение творческой способности, что оказывается продолжением и итогом целого комплекса идей и представлений, развитых в предшествующих этапах «внутреннего» цикла. Этим может быть объяснена и многократная отмечаемая литературоведами (М. Л. Гаспаровым, С. Шварцбандом, В. В. Мусатовым) сложность произведения — «затемненность», так как имманентный подход к каждому входящему в состав целого стихотворению или ко всем одиннадцати не может полностью объяснить особенности возникновения и функционирования тех или иных образов, мотивов и т.п.

Особая целостность «Восьмистиший», благодаря которой одиннадцать стихотворений можно считать микроциклом (в составе более крупного единства — «внутреннего» цикла), создается теми же принципами, что лежат в основе единства макроцелого: общность тематического (развитие во всех стихотворениях темы природы, творчества, мировой культуры, жизни и смерти и др.) и хронологического (мифопоэтическая модель мира, представленная категориями нелинейного циклического повторяющегося времени в инвариантном предельно широком пространстве универсума) содержания; сквозное развитие образно-мотивных комплексов (образы дитя/ребенка, корабля, бабочки, круга, листьев и др.; мотивы движения, дыхания, созидания, изменения физических состояний и др.) и образа лирического героя (динамически эволюционирующее воспринимающее сознание, чьи кругозор и точка зрения преобладают во всех текстах). Главная содержательная особенность «Восьмистиший», которую можно определить как синтезное развитие различных тем (природы, истории, культуры, творчества), мотивируется основополагающим для мифопоэтики Мандельштама концептом целостности. Именно событие возможного потенциального восстановления утраченных или неосознаваемых всеобщих связей подготавливает другое событие

(пробуждение собственного поэтического импульса), которое становится сюжетообразующим в организации «Восьмистиший».

Так, уже в первом четверостишии первого стихотворения идея целостности находит выражение в объединении в пределах одного синтаксического целого трех времен: прошедшего («после двух или трех задыханий»), настоящего («люблю») и будущего («придет»)¹⁴. Новой категорией, приобретенной субъектом с восстановлением целостности, становится потенциальное будущее как последующая реализация, событие, действие или состояние, которое осуществиться с определенной уверенностью. Возможность появления такого времени подготовлена предшествующими этапами и является первым событием, открывающим завершающий этап «внутреннего» цикла.

Однако будущее в мифопоэтической картине мира Мандельштама, которая наиболее ярко реализована в «Восьмистишиях», представлено как исключительно сопряженное с творческим процессом; ожидание будущего связано непосредственно с теми процессами и явлениями, которые сопутствуют рождению поэтического текста: «придет выпрямительный вздох», «когда приближается миг». Этим соподчинением будущего как обязательной характеристики сопровождающей творчество объясняется и его специфическое семантическое содержание: это заранее известное, как бы заново воспроизводимое и предсказываемое (как повторяющийся процесс) в настоящем, лишенное традиционных эмоционально-чувственных коннотаций, связанных у Мандельштама с представлением о грядущем/неизвестном.

Творчество, процесс рождения и функционирования поэтического текста, его особенности и взаимосвязи становятся главными объектами рефлексии воспринимающего сознания в сюжете «Восьмистиший». При этом одновременно с осмыслением теперь уже и собственной креативной способности происходит завершение общей эволюции героя, связанной с познанием и приобщением к исходному состоянию мира. Последнее итоговое событие – возвращение к некоему «соборному» пространству и времени, снятие драматизма, вызванного разьединенностью с миром, – реализуется на разных уровнях художественной структуры целого, но наиболее показательно в особенностях субъектной организации. Характерно, что в пределах единого сюжета микроцикла точка зрения лирического героя представлена через введение всех основных форм субъектного выражения: личное местоимение первого лица, подразумевающего непосредственно индивидуально-личностное отношение («люблю», «и так хорошо мне и тяжело», «боюсь», «я догадался сейчас», «меня не касается трепет», «и я выхожу из пространства», «читаю, один»); личное местоимение второго лица единственного числа, традиционное ассоциирующееся с возможностью диалога с чужим сознанием либо с попыткой самому встать на место другого («ты держишь прилежно в уме», «скажи мне, чертежник пустыни», «о бабочка, о мусульманка», «и твой, бесконечность, учебник»); личное местоимение третьего лица единственного числа, связанное с представлением объективно-отстраненной позиции, вводящей иной кругозор/выбор/позицию («и он лишь на собственной тяге», «он так же отнесся к бумаге», «он опыт из лепета лепит»)¹⁵.

Особую актуализацию в контексте финального события в сюжете «Восьмистиший» приобретает форма первого лица множественного числа, знаменующая свершившееся и отраженное в рефлексии приобщение лирического героя к другим/иным: «и те, кому мы посвящаем опыт», «быть может, мы Айя-София», «мы пьем наважденье причин». Значимо, что каждое употребление этой формы возникает либо в связи с творчеством, либо с аналогичным ему процессом познания. Совместность осуществления таких действий или посвящения в такие состояния свидетельствует о завершении эволюции сознания лирического героя, влившегося в гармонический строй универсума. При этом необходимая в особых ситуациях сосредоточенность на окружающем мире вне

¹⁴Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – С. 184-188.

¹⁵Там же. С. 184-188.

людей теперь не вызывает у субъекта драматической разорванности. Такая динамика коннотаций мотива одиночества представлена в заключительном восьмистишии, где лирический герой завершает процесс познания один; однако идея тотального одиночества снимается в диалогическом принципе организации текста, причем собеседником здесь выступает вечность: «и твой, бесконечность, учебник, / Читаю один, без людей».¹⁶

Осуществление диалога и приобщение к чужому сознанию в «Восьмистишиях» становится возможным благодаря обращению к мировой культуре, которая на протяжении целого «внутреннего» цикла выполняет функции сюжетообразующей. Так, варьированием образно-мотивных комплексов, репрезентирующих те или иные культурологические реалии, осуществляется связь «Восьмистиший» с контекстом других стихотворений поэта: архитектурным «триптихом» и примыкающим к нему петербургским и античным текстом. Наиболее концентрированно идея мировой культуры и ее необходимости для познания и творчества лирического героя находит выражение в седьмом восьмистишии, где ряд субъектов – аналогов лирического героя – представлен прецедентными именами. С маркированным объединением в пределах одной строфы («И <...> И <...> И <...>») двух композиторов (Шуберт – Моцарт), автора (Гете) и героя (Гамлет) связана, очевидно, актуализация главного свойства культуры – ее универсальности. Универсальность как следствие восстановленной целостности проявляется и в синтезе культуры и природы. Последняя в первой строфе становится той средой, в которой находится каждый творящий человек, которая влияет на характер будущего творчества и которая обуславливает возможность его появления.

В **Заключении** подводятся итоги и определяются перспективы продолжения исследования.

В результате проведенного исследования было обнаружено наличие в творчестве О. Э. Мандельштама особого явления, которое в терминологии К. Ф. Тарановского получило название «внутренний» цикл. Данное явление, отмеченное ученым, было исследовано как специфический факт в ряду подобных образований. Итогом стало дополнение определения, данного К. Ф. Тарановским: была произведена корректировка исходного понятия «внутренний» цикл, уточнен ряд характеризующих критериев его выделения и предложены дополнительные признаки. На основании этого было сформулировано собственное определение термина.

В рамках диссертационной работы был выделен конкретный «внутренний» цикл, представленный стихотворениями Мандельштама 1908-1937 гг., сделано его общее систематическое описание: отмечен общий лирический сюжет о познании, выделено три основных этапа его развития, в соответствии с которыми определены и этапы целого единства. Выявление этапов мотивировано системой критериев: каждая группа произведений, образующая этап, характеризуется рядом анализируемых единств, к которым относится общность образно-мотивного и тематического содержания, ведущее лирическое событие, особенности хронологического содержания и единство эмоционально-интеллектуального развития лирического субъекта, осуществляющего процесс познания окружающего мира. Особо отмечены композиционные элементы «внутреннего» цикла, получившие названия смысловых центров и не входящие непосредственно ни в один из этапов развития лирического сюжета.

Перспектива изучения лирического творчества Мандельштама с точки зрения существования и моделирования нетрадиционных циклических образований предполагает выделение других возможных «внутренних» единств, а также углубление и расширение представлений об уже воссозданном. В случае возможного выделения нескольких «внутренних» циклов необходимо обнаружить их сущностные характеристики, которые могут стать основанием для дифференциации. Наличие двух и более «внутренних» циклов потребует от исследователя определения и описания их соотношения и возможного

¹⁶Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т.1. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – С. 188.

взаимодействия. В случае констатации одного преобладающего сверхтекстового единства, развивающего магистральный для мировоззрения Мандельштама сюжет о познании, возникает необходимость решения вопроса о возможном тождестве между «внутренним» циклом и целым контекстом лирического творчества поэта. Отдельным проблемным аспектом в будущем направлении изучения может стать вопрос о границах «внутреннего» цикла и его соотношения с другими сверхтекстовыми образованиями, включая традиционный цикл, а также ряд явлений, выделяемых литературоведами применительно к контексту творчества Мандельштама и/или других поэтов.

Особого внимания в связи с выделением «внутреннего» цикла в дальнейшем исследовании заслуживает проблема соотношения лирического и прозаического контекстов в творчестве Мандельштама. Традиционное и широко распространенное комментирование тех или иных содержательных и формальных особенностей стихотворений с привлечением авторских метапоэтических характеристик из прозаических эссе свидетельствует о глубинной связи двух родовых контекстов: эпического и лирического. При этом литературоведами неоднократно отмечался особый лиризм как одно из основных свойств, предопределяющее ряд частных особенностей прозы поэта. В таком случае актуальной оказывается перспектива дальнейшего исследования «внутреннего» цикла в сравнительно-сопоставительном аспекте — в соотношении с прозой Мандельштама.

Дальнейшее изучение «внутреннего» цикла может помочь в решении существующей и до сих пор актуальной по отношению к лирическому творчеству Мандельштама текстологической проблемы, неизбежно ставящей перед исследователями ряд вопросов, связанных с прояснением «темных» или несовпадающих в разных публикациях вариантах одного текста; с определением статуса стихотворения (какой вариант следует признать каноническим, а какой вариантом и в каком случае речь может идти о бытовании двух близких, но не тождественных и самостоятельных произведений), с возможностью объединения нескольких текстов в неавторский (редакторский) цикл и т.п.

Одно из наиболее важных преимуществ контекстного исследовательского подхода — возможность прочтения и интерпретации традиционно признаваемых «затемненными» в смысловом отношении произведений. В их отношении может быть произведена экстраполяция выводов, полученных при анализе других тесно связанных образно-мотивной или ассоциативной связью стихотворений. При этом оказывается возможным осуществить те философско-эстетические и литературоведческие требования и принципы восприятия и функционирования эстетического объекта, которые были значимы для Мандельштама-поэта и которые отражены и зафиксированы им в лирических стихотворениях, а также в ряде художественных и критических эссе.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Публикации в журналах, рецензируемых ВАК:

1. Бурая М. А. Восточная универсалия да-тун и ее участие в формировании «внутреннего» цикла в творчестве Мандельштама / М. А. Бурая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (25): В 2 ч. Ч. 1. – Тамбов. – С. 39–41.
2. Бурая М. А. Стихотворение «Нашедший подкову» как один из смысловых центров «внутреннего» цикла О. Мандельштама / М. А. Бурая // EuropeanSocialScienceJournal. – 2013. – № 7. – М. – С. 170–179.

3. Бурая М. А. Влияние восточной универсалии «цзы» на формирование образа дитя-ребенка во «внутреннем» цикле О. Мандельштама / М. А. Бурая // Филологические науки. Вопросы теории и практики.– 2013.– № 12: В 2 ч. Ч. 1.– Тамбов.– С. 59-61.
4. Бурая М. А. Поэтика «внутреннего» цикла в лирическом творчестве О. Мандельштама / М. А. Бурая // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 4.– Магнитогорск.– С. 344-354.

Научные статьи и материалы, опубликованные в других изданиях:

5. Бурая М. А. Мотив мировой культуры в цикле О. Мандельштама «Восьмистишия» / М. А. Бурая // Материалы научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ 2009.–Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. – С. 280–283.
6. Бурая М. А. Цикл Мандельштама «Восьмистишия»: проблема мотивов / М. А. Бурая // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология».–М.: МАКС-ПРЕСС, 2009.– С. 389–391.
7. Бурая М. А. Образ дитя-ребенка в творчестве О. Мандельштама / М. А. Бурая // Тезисы XIII Межвузовской конференции студентов-филологов. – СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2009.– С. 18-19.
8. Бурая М. А. «Восьмистишия» О. Мандельштама и стихотворение «Рождение улыбки»: проблема внутреннего цикла / М. А. Бурая // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010». Секция «Филология», подсекция «Теория литературы [Электронный ресурс].— М.: МАКС Пресс, 2010. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. - Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
9. Бурая М. А. Идея мировой культуры как структурообразующая «внутреннего» цикла в лирике О. Мандельштама 1930-х гг. / М. А. Бурая // Мир культуры в русской литературе XX века. Серия «Литературные направления и течения».– СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2011.– С. 3–30.
10. Бурая М. А. Стихотворение «Люблю появление ткани» как смысловой центр цикла О. Мандельштама «Восьмистишия»/ М. А. Бурая // Тезисы XIV Международной научной конференции студентов-филологов.–СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2011.– С. 29–30.
11. Бурая М. А. Стихотворения О. Мандельштама 1908–1909 гг. как часть «внутреннего» цикла / М. А. Бурая // Материалы Международного научного Форум студентов, аспирантов и молодых ученых стран Азиатско-Тихоокеанского региона .–Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2012.– С. 248–250.
12. Бурая М. А. Идейное своеобразие «внутреннего» цикла в лирике О. Мандельштама (на примере стихотворений 1930-х гг.) / М. А. Бурая // Всемирный виртуальный конгресс по русскому языку и русской культуре «Планета «Русский язык» в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве» Сборник научных докладов.–Изд-во Limush, 2012. – С. 106-111.
13. Бурая М. А. Своеобразие «внутреннего» цикла в лирике О. Мандельштама / М. А. Бурая // Серия «Литературные направления и течения».– СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.– Вып. 54– 58 с.